

ФИННО-УГРОВЕД Д. В. БУБРИХ: «...ВО ВРЕМЯ МОЕГО ТРЕХЛЕТНЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В КОМИ АССР»*

Л. П. РОЩЕВСКАЯ,

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела
«Научный архив и энциклопедия» ФГБУН «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»*

Н. Г. ЛИСЕВИЧ,

*главный архивист отдела «Научный архив и энциклопедия»
ФГБУН «Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»
(г. Сыктывкар, РФ)*

Великая Отечественная война, как ни парадоксально, стала поводом для создания академического учреждения и развития науки на Европейском Севере России – территории Коми АССР (ныне Республика Коми). Эвакуация научных учреждений в ее столицу – г. Сыктывкар – позволила немногочисленным студентам единственного в республике высшего учебного заведения – Коми государственного педагогического института – слушать лекции крупных ученых, заниматься различными исследованиями, участвовать в экспедиционных работах с опытнейшими специалистами в области истории, языкознания, геологии, биологии.

В становлении научной финно-угорской школы в Коми Д. В. Бубрих как крупнейший специалист в этой области сыграл важную роль. Живя и работая в Сыктывкаре, он заложил основы изучения коми языка [12]. Современные исследования говорят о востребованности научного творчества Бубриха в наши дни.

Работы, посвященные истории учебных заведений, в которых трудился Д. В. Бубрих, освещают в основном учебный процесс [6, 37–45; 10, 20, 67, 180; 14, 42]. Цен-

нейшими документами, раскрывающими атмосферу повседневной научной деятельности ученого в эвакуации, могут стать свидетельства современников – участников трагического периода. Ученики Дмитрия Владимировича довольно подробно описывали и описывают его довоенный и послевоенный периоды жизни, но о времени, проведенном семьей Бубриха в Сыктывкаре, обстоятельных воспоминаний обнаружить не удалось. Тем ценнее даже несколько слов об этом периоде.

Отрывочные сведения, включая официальные документы (приказы по личному составу, научные отчеты, планы работы, протоколы заседаний), могут дополнить, уточнить и создать более яркую картину реальных условий жизни и деятельности эвакуированного ученого. Такие данные сохранились в Научном архиве Коми научного центра Уральского отделения РАН (Коми НЦ УрО РАН).

Выбор научных интересов Д. В. Бубриха не был случайным. Он родился в 1890 г. в семье преподавателя русского языка и словесности средних учебных заведений г. Петербурга. Образованные родители, хорошо владеющие западноевропейскими языками, привили сыну интерес к филологии. В 1909 г. Д. В. Бубрих окончил гимназию с золотой медалью и поступил на славяно-русское отделение историко-

*Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 12-П-6-1003.

филологического факультета Петербургского университета. Там изучал лингвистику под руководством академика А. А. Шахматова, который заинтересовал его диалектологией. После получения диплома первой степени (1913) молодой человек был оставлен при университете для подготовки к научной и преподавательской деятельности. В 1914 г. вышли его первые работы по славянской филологии.

В 1920 г. Бубрих закончил диссертацию (опубликована в 1924 г.) и получил степень доктора наук. С 1925 г. читал курс финно-угорского языкознания в Петроградском (позднее Ленинградском) университете, был профессором Ленинградского педагогического института, заведовал кафедрой в I Московском университете, сотрудничал в Научно-исследовательском институте народов Востока в Москве, а с 1927 г. – в Комиссии по изучению племенного состава населения СССР Академии наук.

К исследованиям финно-угорских языков Бубрих перешел также под влиянием А. А. Шахматова, изучавшего историю русского языка и народа в тесной связи с историей соседних финно-угров. Некоторые исследователи говорят о стремлении ученого-патриота помочь в создании письменности и литературных языков для финно-угорских народов [4, 14]. С 1927 г. Д. В. Бубрих организовывал масштабные лингвистические экспедиции, участники которых собирали и систематизировали финно-угорский материал, приобретали навыки работы по изучению языков на местах.

В 1934 г. Д. В. Бубрих стал заведующим Группы финно-угорских языков в Ленинградском Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (в этой должности он работал до конца своей жизни). К началу 1940-х г. ученый утвердился в необходимости выпуска сводного труда по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков. Однако подготовить издание быстро не удалось.

Между тем политическая ситуация в стране изменилась. В 1938 г. органы НКВД Карельской АССР начали «Дело о карельском языке», краткая предыстория которого выглядит следующим образом.

В 1930 г. был поднят вопрос о создании единого карельского литературного языка. Инициаторами выступили лингвисты – ученые из Института языка и мышления под руководством профессора Д. В. Бубриха. 17 июня 1937 г. на XI Всекарельском съезде Советов была утверждена первая Конституция Карельской АССР. Карельский язык наравне с финским и русским был признан государственным. В августе того же года Бубрих озвучил его грамматические нормы, а руководитель лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры М. М. Хмяляйнен сделал развернутый доклад о развитии терминологии и унификации словаря. К январю 1938 г. были разработаны правила правописания карельского литературного языка. В феврале их утвердил Наркомпрос РСФСР. Комиссию по развитию терминологии возглавил секретарь Карельского обкома ВКП(б) тверской карел Д. П. Смирнов. Для учителей и переводчиков были опубликованы списки терминов. Осенью началась разработка карельской письменности. В этом же году Хмяляйнен, Смирнов и Бубрих были арестованы. Их обвинили в связях с Карельским академическим обществом в Финляндии, намеренном введении в карельский язык финских суффиксов и приставок, его упрощении «до уровня первобытного» и многом другом. В Карелии в ходе следствия арестовали 60 человек, в Калининской (ныне Тверской) области – 139.

Экспертной комиссии – научным работникам и педагогам Карелии – предстояло сделать выводы по делу «антисоветской буржуазно-националистической группы». К концу мая 1939 г. был составлен отчет о ходе следствия: в чем именно был извращен карельский язык и в чем именно заключалось «вредительство», установить не удалось. Вторая экспертная комиссия вынесла заключение, что на протяжении полутора десятков лет в Карелии открыто проводилась финнизация. По мнению комиссии, вина за «искажение и засорение языка падает меньше всего на переводчиков и редакторов, а прежде всего на терми-

нологическую комиссию, председателем которой является Смирнов, а одним из членов ее – Хмяляйнен» [11].

Так как вина Д. В. Бубриха была признана незначительной, в начале 1940 г. он был освобожден и продолжил работу в Ленинграде. Ниже приведены фрагменты его характеристики, датированной январем 1941 г.: доктор филологических наук, заведующий сектором финно-угорских языков Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР, профессор и заведующий кафедрой финно-угорских языков Ленинградского университета «за последнее время много работал по мордовскому и карельскому языкам, оказывает большую теоретическую помощь работникам научно-исследовательских институтов культуры Карело-Финской, Марийской, Мордовской, Удмуртской и Коми АССР». Далее говорится, что Д. В. Бубрих «принимал и принимает участие в работе Научно-исследовательского института культуры Карело-Финской АССР. В 1937 г. он составил программу по собиранию материалов для диалектологического языка, по которой собран большой материал по карельскому языку; в 1940 г. им написаны две статьи («Лингвистическая наука в СССР и Финляндии» и «Сходство и различия в финском и карельском языках»). В этом же году он составил часть нового вопросника по изучению диалектов карельского языка, проводит консультации для работников Научно-исследовательского института культуры по вопросам карельских языков» [9, л. 76].

С началом Великой Отечественной войны в академических учреждениях стали сокращать сотрудников. 8 октября 1941 г. были уволены «без выдачи выходного пособия» 14 человек, и среди них Д. В. Бубрих. Как вспоминали его друзья, члены семьи ученого отличались «крайней неприспособленностью к жизни». Совет по эвакуации при Совнаркоме разрешил президиуму Академии наук вывезти из города 1 100 научных сотрудников с семьями. Многих удалось эвакуировать в те районы СССР, которые наиболее подходили по их специальности. Д. В. Бубриха отправили в Сыктывкар, куда его привезли полуживого [2, 46].

К этому времени из-за угрозы фашистской оккупации территорий Советского Союза руководство страны приняло решение об эвакуации в Сыктывкар Кольской и Северной баз АН СССР. На их основе была создана База АН по изучению Севера, которую возглавил академик А. Е. Ферсман. В Коми АССР в годы войны продолжали свою деятельность профессора А. Л. Курсанов, А. А. Чернов, лауреат Сталинской премии М. А. Грехнев, кандидаты геологических, сельскохозяйственных, биологических и химических наук Н. Д. Соболев, В. В. Ламакин, М. А. Плотников, О. А. Польшцева, М. П. Таранец, А. В. Рыбалкина, А. А. Дедов и др. Также в Сыктывкар было эвакуировано Северное геологическое управление, где работали следователь Дальнего Востока и Арктики П. В. Виттенбург. В 2003 г. изданы воспоминания его дочери Евгении Павловны, в которых, в частности, рассказывается о жизни в эвакуации. Вот что она писала о семье Д. В. Бубриха: «Жена профессора, Мария Федоровна, Вера – студентка, моя подруга, Володя – их сын и сам Дмитрий Владимирович были не только интеллигентнейшими, но и исключительно добрыми, обладавшими неисчерпаемым чувством юмора людьми» [3, 305].

В столицу Коми АССР эвакуировали и Карело-Финский университет. Он расположился на материально-технической базе Коми педагогического института. Существовая самостоятельно, вузы дополняли учебную деятельность друг друга. На кафедрах педагогического института читали лекции доценты В. Г. Базанов, А. А. Райкерус, А. Н. Малявкин, М. Я. Марвин; профессора-геологи П. В. Виттенбург, И. А. Преображенский и др.

Как вспоминала Е. П. Виттенбург, «педагогический состав университета был очень сильным... Достаточно сказать, что среди профессоров были Д. В. Бубрих (языковедение), В. Г. Базанов (русский фольклор и литература), Я. А. Балагуров (история СССР и марксизм-ленинизм). Античную литературу прекрасно читал В. Э. Дембовецкий, латинский и старославянский вел С. А. Шамахов» [3, 297].

С 1 октября 1941 г. по 29 июля 1944 г. по направлению Наркомпроса РСФСР Д. В. Бубрих заведовал кафедрой языка и литературы Коми педагогического института, одновременно читал лекции на историко-филологическом факультете Карело-Финского университета. В 1943/44 учебном году Дмитрий Владимирович возглавлял кафедру финно-угорских языков [7, 124].

Еще до войны в Сыктывкаре действовал Научно-исследовательский институт языка, письменности и истории коми народа (далее – Коми НИИ). Приказом наркома просвещения Коми АССР от 23 октября 1941 г. Д. В. Бубрих был назначен его ученым секретарем [8, оп. 18, д. 8 (2), л. 14]. На заседании ученого совета 9 марта 1942 г., под его председательством директор института Д. С. Оверин отмечал, что работе по теоретической и научной разработке коми языка до сих пор уделялось мало внимания. Он объяснял такую ситуацию отсутствием до осени 1941 г. научно подготовленных кадров. «Но с октября месяца состав работников сильно изменился... пришли новые, научно подготовленные люди: доктор филологических наук проф. Бубрих Д. В., окончивший аспирантуру Оверин Д. С. и Подоров В. М.». Бубрих выступал одним из докладчиков [8, оп. 1, д. 66, л. 20–29]. В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН сохранились рецензии и замечания, написанные им в соавторстве с А. С. Сидоровым, на учебники коми грамматики, морфологии и синтаксиса для неполных средних и средних школ, которые сотрудники НИИ подготовили до октября 1941 г. [8, оп. 1, д. 67, л. 29].

В военный период при участии Д. В. Бубриха шло планомерное изучение коми диалектов. План работы института на 1943–1944 гг. включал составление «Краткого диалектологического атласа коми языка», для этого были обработаны материалы экспедиций 1939 г. В 1942 г. ученый разработал вопросник по изучению диалектов (был издан тиражом в 300 экз.), участвовал в составлении «Диалектологической карты Коми АССР», нормативного «Коми-русского словаря» (закончен в 1948 г.).

Дмитрий Владимирович лично подготовил инструкцию по его составлению. В это время проводили десятки рабочих совещаний. Для проверки слов совершали командировки по районам республики [8, оп. 1, д. 62, л. 9; д. 74, л. 2, 26, 33].

Д. В. Бубрих интересовался многими научными вопросами. Участвуя в дискуссии об арийском происхождении германцев, он утверждал, что данные племена ведут начало вовсе не от ариев, и в качестве доказательств приводил свои исследования финно-угорских возможностей этого. Так появились статьи ученого, сохраненные в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН: «К вопросу об “арийской чистоте” германцев» и «Еще к вопросу об “арийской чистоте” германцев» (1942).

Дмитрий Владимирович занимался и такой неоднозначной проблемой, как взаимосвязь языка и мышления. В 1942–1943 гг. он написал исследование «Происхождение речи и мышления», посвятив его родному героическому Ленинграду.

Немало сделал Бубрих для подготовки научных кадров. В 1943–1944 гг. он ежемесячно проводил семинары по вопросам коми грамматики, общего и коми языкознания. Выступал с научными докладами на заседаниях Коми НИИ; совместных заседаниях работников НИИ, Коми пединститута, Карело-Финского университета, Национального музея и других учреждений просвещения и культуры.

Интенсивная творческая деятельность ученого проходила в условиях напряженной жизни тылового города. Не хватало продуктов питания, дров для обогрева учреждений и жилых домов, практически невозможно было купить многие предметы быта и одежды. Е. П. Виттенбург так описывает бытовые условия эвакуированных: «На краю города для персонала Северного геологического управления достраивали два бревенчатых дома. Совнаркомовская (ныне К. Маркса. – *Авт.*) улица, на которой шла стройка, была крайняя, за нею простиралось вспаханное поле. Мы получили маленькую двухкомнатную квартиру в первом этаже. Между комнатами большая кирпичная оштукатуренная печь,

в кухне – дровяная плита. Водопровода не было, воду носили ведрами из колодца» [3, 292]. Далее речь идет о продовольственном обеспечении ученых: «По карточкам давали главным образом картошку и квашеную капусту, ни мяса, ни рыбы не было, иногда получали какое-то растительное масло или комбижир. Обычно на первое готовила щи, на второе – тушеную капусту. Запомнился один эпизод: в трех тазах, как обычно, промывала квашеную капусту (она заготавливалась рабочими в огромных чанах, утрамбовывали ее ногами)» [3, 298].

Коллеги вспоминали, что Д. В. Бубрих мог работать в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях: «...он сидел на стуле, около обеденного стола, на котором был невообразимый беспорядок. Немытая посуда была сдвинута от края, где лежали какие-то развернутые книги, а писал Дмитрий Владимирович, положив на колени какую-то папку... Петрозаводчане, которые были в годы войны в эвакуации в Сыктывкаре, рассказывали, что частенько видели Д. В. Бубриха в очереди в магазин или в столовую, углубленного в книгу, делающего выписки и пометки и совершенно отрешенного от всего, что творилось вокруг» [15, 167]. Одна из студенток также делилась подобными впечатлениями: «И сейчас перед глазами образ ученого, который стоит в очереди студенческой столовой с судком в руках для супа из зеленой капусты, думает, чем накормить семью, и в то же время что-то активно выписывает на карточки, читая, разбирая текст. Так Д. В. Бубрих готовил “Грамматику коми литературного языка”, интересную, увлекательную книгу. И еще вспоминаю: на улице Советской в Сыктывкаре, у школы, где учится его сын Володя, стоит профессор с книгой, ждет сына» [13, 117].

Студенты Коми педагогического института с благодарностью вспоминали прекрасные лекции Бубриха, которые слушали с большим интересом, отмечали их глубину и содержательность. «Никогда не забудется ленинградский профессор Бубрих, ученый мирового масштаба» [5, 53, 68, 93, 95].

Представление о жизни и деятельности эвакуированных будет неполным, если

не обратиться к особенностям организации работы научно-учебных учреждений. В условиях военного времени соблюдалась жесткая дисциплина, было отменено установленное для отдельных научных сотрудников, в том числе докторов и кандидатов наук, свободное рабочее расписание. Согласно постановлению правительства, руководители учреждений и предприятий имели право задерживать на сверхурочные работы рабочих и служащих до трех часов в день при обязательном условии максимального уплотнения рабочего времени.

Согласно правилам внутреннего распорядка обеденный перерыв продолжался полчаса. О начале и окончании работы и перерывов служащие извещались звонком. Существовали табельные доски с номерками для каждого сотрудника. Их выдавали и возвращали в течение 10–30 минут. Брать или возвращать номерки за другого сотрудника запрещалось. Около табельных досок должны были находиться табельщики «для контроля за учетом явки и ухода с работы». Запрещалось в рабочее время проводить собрания, совещания по общественным делам, выдавать зарплату, справки и удостоверения. Всякое нарушение влекло дисциплинарные взыскания (замечание, выговор, строгий выговор, перевод на другую, нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев, смещение на низшую должность) или предание суду. Прогулом считалось опоздание или уход с работы раньше на 20 минут, если это случилось три раза в месяц или четыре раза в два месяца. В приказах употребляли достаточно категорические формулировки о передаче дела городскому прокурору «для привлечения к уголовной ответственности за сознательный срыв работы государственного учреждения в условиях военного времени».

Во всех лабораториях были введены дополнительные часы работы, кроме субботы. На каждого сотрудника открыли фронтальной счет, на который перечисляли все заработки за сверхурочные часы.

В целом коллективы НИИ и высших учебных заведений отличали высочайшая честность и порядочность. Случаи нарушения трудовой дисциплины были

крайне редкими. Всех сотрудников обеспечивали жилым помещением и примитивной мебелью, постельными принадлежностями, предметами домашнего обихода. За амортизацию они уплачивали установленные суммы. С ноября 1943 г. балансовую стоимость находящихся в личном пользовании предметов домашнего и личного обихода сотрудники должны были вносить в доход государства. Многим эвакуированным это нанесло ощутимый материальный урон, так как дополнительных средств ни у кого не было. Положение усугубилось, когда снизили хлебные нормы.

Голод побуждал заниматься огородничеством. Сотрудники организовывали небольшие коллективные огороды и индивидуальные участки, на которых сажали картофель, а специальная комиссия месткома следила, насколько полно они обеспечивают себя выращенными овощами. Вопрос пропитания был под контролем парторганизации, коллективный сбор грибов и ягод объявлялся решением партсобрания [1, 3–9].

Несмотря на ухудшающееся материальное положение, научная деятельность учреждений не прекращалась. 5 мая 1943 г. вышел приказ директора Коми НИИ, который гласил: «Всем научным сотрудникам института работать над своими темами по производственному плану. Кроме того, всему коллективу научных сотрудников под руководством ученого секретаря проф. доктора Д. В. Бубриха еженедельно уделять 8–10 часов на разработку коми-русского словаря с тем, чтобы подготовить к изданию в установленный планом срок» [8].

После эвакуации в 1944 г. Базы АН СССР по изучению Севера партийно-правительственное руководство Коми АССР обратилось в Академию наук с просьбой организовать в республике академическое учреждение. В июне того же года там была образована База АН СССР. В сентябре на основании телеграфного распоряжения президента Академии наук В. Л. Комарова была создана комиссия для принятия в состав базы Научно-исследовательского института языка, письменности и истории коми народа [8, оп. 18, д. 12, л. 43].

Д. В. Бубрих вместе с Карело-Финским университетом в 1944 г. переехал в Петрозаводск, там заведовал кафедрой финно-угорской филологии. В конце июня – начале июля этого года он участвовал в обсуждении Коми-русского словаря с работниками Коми НИИ и представителями общественных организаций Сыктывкара, а в начале сентября – в заседании редколлегии словаря.

В дальнейшем ученый продолжал работать в Ленинградском университете, в Институте языка и мышления. Однако он не прерывал научные связи с коллегами из Сыктывкара. В штатных расписаниях по Базе АН СССР в Коми АССР за 1945–1949 гг. в секторе языка, письменности и истории Д. В. Бубрих числился консультантом на 0,5 ставки. В 1945 г. ученый курировал несколько тем, в том числе «Частицы в коми языке», «Наречия в коми языке» и др. [8, оп. 1, д. 86, л. 2–14], руководил аспирантами Т. И. Фроловой и В. А. Сорвачевой.

23 октября 1945 г. был составлен список сотрудников Института языка и мышления, представляемых к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Д. В. Бубрих получил ее со следующим обоснованием: «Принимал участие в подготовке военных словарей (июль – август 1941 г., Ленинград). Принимал участие в дежурствах в качестве пожарника (июль – сентябрь 1941 г.). Много сделал в подготовке национальных кадров за время своей эвакуации (1942–1944 гг.)» [2, 51].

В январе 1951 г. состоялось заседание объединенной сессии ученых советов Коми филиала АН СССР и Коми государственного педагогического института. Как отметили его участники, основной многолетний план работы сектора языка, письменности и истории филиала был заложен в 1941 г. при активном участии Д. В. Бубриха. Основной проблемой плана по его предложению стал современный коми язык. По словам А. С. Сидорова, Бубрих «беззаветно служил интересам советской науки... Он принес огромную пользу разви-

тию науки в Коми АССР. Помимо научно-организационной работы в Сыктывкаре в годы войны он написал три большие работы по научной грамматике коми языка... Последняя предсмертная его работа "Грамматика литературного коми языка" является большим достижением, так как является первой научной грамматикой языка коми на современном этапе» [8, оп. 1, д. 230 (2), л. 13]. Д. В. Бубрих руководил составлением коми-русского словаря. Среди научных документальных материалов отдела языка и литературы Коми филиала АН СССР хранится до десяти работ ученого (статьи и рукописи трех книг).

В 1948 г. в советском языкознании развернулась бурная дискуссия; резкая и тенденциозная критика научных воззрений

Бубриха привела к его смерти в 1949 г. Но даже тогда на заседании сектора языка, литературы и истории Коми филиала АН признали, что Бубрих, «безусловно, видный советский языковед» [8, оп. 1, д. 186, л. 110].

Вклад Дмитрия Владимировича Бубриха в развитие науки Коми сложно переоценить. Он принимал непосредственное участие в подготовке учебников по коми языку для школ республики; описал методы сбора и обработки полевых и экспедиционных материалов по нему; воспитал поколение лингвистов, которые работали в Коми филиале АН СССР; создал перспективные планы работы по финно-угорской тематике для Базы АН СССР в Коми АССР; поднял на новый уровень изучение финно-угорских языков и диалектов.

Поступила 30.02.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Академический центр в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны : ученый и война (1941–1945 гг.) / сост. Л. П. Рощевская и др. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2005. – 102 с.*
2. *Анфертьева, А. Н.* Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады // *Лингвистика в годы войны : люди, судьбы, свершения : материалы Всерос. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечеств. войне. – СПб., 2005. – 331 с.*
3. *Виттенбург, Е. П.* Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА : воспоминания дочери / Е. П. Виттенбург. – СПб. : Ин-т истории РАН, 2003. – 431 с.
4. *Керт, Г. М.* Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) : очерк жизни и деятельности / Г. М. Керт. – Л., 1975. – 103 с.
5. *Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы, материалы, воспоминания. – Сыктывкар : Изд-во КГПИ, 2005. – 225 с.*
6. *Малкова, Т. А.* Карело-Финский государственный университет в Сыктывкаре (1941–1944 гг.) // *Национальные отношения на Европейском Северо-Востоке : история и современность (социально-экономические, политические и культурные аспекты). – Сыктывкар, 2009. – 138 с.*
7. *Малкова, Т. А.* Научная деятельность Д. В. Бубриха в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). – Сыктывкар, 2005. – 252 с.*
8. *Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1.*
9. *Научный архив Республики Карелия. Ф. 1394. Оп. 8. Д. 200/25.*
10. *Петрозаводскому государственному университету 50 лет (1940–1990). – Петрозаводск : Карелия, 1990. – 302 с.*
11. *Республика Карелия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gk.karelia.ru.*
12. *Рощевский, М. П.* Избранные труды / М. П. Рощевский. – Т. 1. Статьи и выступления (1952–2011). – Сыктывкар, 2013. – 861 с.
13. *Суханова, В. С.* О моем учителе // Д. В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения. – СПб., 1992. – 127 с.
14. *Хорунжая, Т. М.,* Сотрудничество исторических факультетов Карело-Финского государственного университета и Коми государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны / Т. М. Хорунжая, А. В. Лешко // *Европейский Север : история и современность : материалы Всерос. науч. конф. – Петрозаводск, 1990. – 166 с.*
15. *Чистов, К. В.* Забывать и стыдиться нечего... : Воспоминания / К. В. Чистов. – СПб. : МАЭ РАН, 2006. – 240 с.